

МАРИЯ ВОРОНОВА

• Суд сердца •

МУЖЧИНА В ТЕНИ

Суд сердца. Романы Марии Вороновой

Мария Воронова
Мужчина в тени

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Мужчина в тени / М. В. Воронова — «Эксмо», 2026 — (Суд сердца. Романы Марии Вороновой)

ISBN 978-5-04-248267-0

Роковой выстрел в коридоре Смольного эхом отозвался через десятилетия. Для всей страны это страница учебника истории, для Ирины – личный вызов и опасная интеллектуальная игра. Почему охранник опоздал всего на несколько секунд? Был ли убийца Николаев фанатиком или послушным орудием в руках «мужчин в тени»? Пока Ирина ищет ответы на пожелтевших страницах книг, её близкие сталкиваются с вызовами настоящего. Иногда случайная встреча в библиотеке меняет всю жизнь и заставляет делать трудный выбор.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248267-0

© Воронова М. В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Июнь	6
Август	9
Июнь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Воронова

Мужчина в тени

Успехи у нас действительно громадны.

Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить.

С. М. Киров

Серия «Суд сердца. Романы Марии Вороновой»

© М.В. Виноградова, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Июнь

В этом году Зоя впервые никуда не поехала на каникулы, решив поработать в клинике, где летом рады каждой паре рук. Родители немного погоревали насчет свежего воздуха, солнца, моря и витаминов, которых она недосчитается в своем растущем организме, помахали перед носом путевкой в Крым, но быстро отступились, зная, что своенравная дочь все равно сделает по-своему.

Иногда в солнечные дни Зоя скучала по морю, но ни разу серьезно не пожалела о своем решении. Клиника без студентов и половины докторов, уехавших в отпуск, оказалась настоящим кладом знаний и опыта. Ей позволяли мыться на операции, осматривать больных и заполнять истории болезни, врачи занимались с нею, звали посмотреть сложные случаи и объясняли многие тонкости, которые не узнаешь от преподавателей в институте. Однажды Зою поставили «на крючки» к самому профессору Бахтиярову, который всю операцию гонял ее не только по хирургии, но и по общей культуре. Зоя ответила почти на все вопросы величавого профессора, особенно из последней области, как-никак мама с папой всю жизнь готовили дочку к гуманитарному образованию. Крючки она, кажется, тоже держала сносно, во всяком случае, ни разу не получила корнцангом по рукам. Размывшись, Бахтияров заметил, что «хирургия – не женская специальность, но из девочки, пожалуй, выйдет толк. Если будет помнить, что золотые руки только тогда имеют ценность, когда прикреплены к светлой голове». Чтобы не быть голословным, Бахтияров предложил ей за каникулы написать реферат о механизмах тромбообразования. Это дисциплинирует ее ум и привьет вкус к научной работе.

Зоя поблагодарила профессора, но в библиотеку, откровенно говоря, не тянуло.

Слишком много было всякого интересного в клинике, Зоина бы воля, она бы вообще оттуда не выходила.

Однажды она отдежурила сутки, а потом осталась еще на целый день. За ночь было много поступлений, Зоя устала и утром хотела пойти домой, но как откажешь, когда тебя зовут ассистировать на резекцию желудка, будто настоящего врача? Следом сразу созрела непроходимость, потом подали сомнительный аппендицит, который по классике жанра наблюдали сутки и приняли решение оперировать за три минуты до конца рабочего дня.

Только в восьмом часу вечера Зоя на автопилоте добрела до своей кровати и упала в нее абсолютно счастливая. И проснулась только поздним утром от звонка Лизы. Подруга требовала немедленного Летнего сада. Организм требовал спать дальше, но Зоя решила, что Лиза важнее.

День действительно начинался такой, что жаль проводить его дома. Солнце будто одело Ленинград в яркий летний сарафан с голубой косынкой неба. Зоя шла по городу, радуясь краскам лета, правда, с непривычки глаза быстро устали.

Лиза в кремовом платье в бледный цветочек ждала ее на скамейке под деревом с книгой в руках, как настоящая тургеневская девушка. Сквозь листву на нее падала кружевная тень.

Зоя уселась рядом и сквозь крону дерева стала смотреть на солнце.

– Надо ловить момент, – сказала Лиза.

– Угу.

Кажется, она задремала, потому что не заметила, как Лиза принесла два вафельных стаканчика.

Мороженое быстро таяло, и есть пришлось стоя, чтобы не попало на платье.

Зоя поглядела на обложку Лизиной книги. Шекспир в оригинале. Бр-р! Сейчас бы она тоже это читала, если бы поступила на филфак.

– Интересно? – спросила она. Зоя училась в английской школе, где Шекспира не обошли стороной, но из всего наследия великого поэта и драматурга в голове засела только строка:

Tired with all these, for restful death I cry¹. Иногда ее бывало к месту вернуть, когда приемник захлебывался от сложных пациентов, но сам Шекспир, кажется, имел в виду нечто другое.

– Круто!

– А по мне так бред.

– По тебе все бред, кроме как в кишках копаться.

Зоя попыталась вспомнить, когда последний раз читала не литературу по специальности и не легкий детектив в метро, а что-то увесистое, важное для человечества. И не смогла.

– Все бред, – не стала она спорить, – но Шекспир особенно. Каждый герой так просто мечта психиатра. Отелло увековечил свое имя не только в пьесе, но и в названии психического расстройства, Гамлет удачно сочетает в себе симптомы шизофрении и биполярки, у Офелии тоже не все дома... Кого ни возьми, короче.

– Умеешь ты все опошлить! А Ромео и Джульетта?

Зоя улыбнулась. Недавно они с Лизой посмотрели фильм Франко Дзефирелли и остались под впечатлением, Зоя поменьше, а Лиза просто влюбилась, сама не зная толком в кого.

– Жалость к их трагической судьбе мешает понять, что они были просто придурковатые подростки, – сказала Зоя, тут же пожалев, что посягнула на святое, и не исключено, что сейчас ее будут бить.

Но Лиза только достала носовой платочек, вытерла пальцы от мороженого и села обратно на скамейку. Зое она платочек мстительно не предложила, пришлось сорвать с дерева пару листочков.

– Придурковатый подросток – это ты, – буркнула Лиза, – не понимаешь метафору.

– Ну, может, лет триста назад это еще было актуально, но сейчас-то...

– Великое произведение и не должно быть актуально. Там вечные ценности.

Зоя засмеялась:

– Какие? Кровная месть и любовь с первого взгляда? И то и другое чушь собачья.

Лиза насупилась:

– Не чушь.

– Чушь. – Зоя сама не знала, зачем спорит. – Ну кровная месть еще туда-сюда, но любовь с первого взгляда – это явный признак, что люди с головой не дружат.

– Ты дружишь.

– Угу.

Зоя закрыла глаза. Невесомый летний ветерок ласково перебирал листву над ее головой, будто шептал обещания счастья. Лиза влюблена в Шекспира, вообще в Средние века, в романтику страстей, в рыцарство, верность женщин и отчаянную храбрость мужчин. Могла бы стать Дон Кихотом, если бы родилась лет на пятьсот пораньше и мужиком.

Нет, любви с первого взгляда не бывает, и тот, кто в нее верит, рискует попусту растратить свою жизнь. И, может, в Средние века и были какие-то плюсы, кроме повального педикулеза, но Зое больше нравилось жить сейчас, когда человек сам выбирает себе профессию и спутника жизни. Да и вообще, и так в приемнике по выходным не протолкнуться, а если бы мы до сих пор жили по средневековым законам, то в каждом дворе пришлось бы открывать травмпункт, желательно с моргом. Нет, Шекспир устарел со своими страстями, и слава богу.

– Приземленный ты человек, – протянула Лиза с укоризной, – прямо как моя мама. Может, нас с тобой в роддоме подменили?

– Может, и подменили. Но теперь-то уже что... Не знаю, как ты, а я к своим предкам привыкла.

Лиза вскочила со скамейки:

¹ Первые строки 66-го сонета Шекспира («Зову я смерть. Мне видеть нестерпим Достоинство, что просит подаянья, Над простотой глумящуюся ложь...» – пер. С. Маршака).

– Пойдем на речном трамвайчике прокатимся? А то смотрю на тебя, и меня тоже рубит.

Август

Ирина вдруг поняла, что сама хочет поехать с Егором на школьный базар. Начальная школа позади, и кто знает, сколько еще раз первое сентября будет для него чудесным днем, а покупка ручек и тетрадок – сборами в волшебное путешествие в страну знаний? Еще год, может быть, два, а потом реальный мир заберет его к себе окончательно и бесповоротно.

– Не выдумывай, – сказала мама, – куда ты поедешь от грудного ребенка?

И в самом деле, куда? Ирина молча налила себе еще чаю. Почему так? Кажется, все позади, прожито и прощено, и теперь они взрослые люди в мирном сосуществовании, и столько сил потрачено, чтобы этого достичь, а одно мамино неосторожное слово, и тут же поднимается со дна души жгучая детская обида – уже теперь и не вспомнить, на что...

Гортензия Андреевна кинула на маму короткий острый взгляд, но тоже промолчала. Видимо, по профессиональной привычке не могла подрывать родительский авторитет.

– Да я сам себе куплю тетрадки, не волнуйтесь, – заверил Егор, – а больше ничего не надо, форма нормальная, портфель клевый, и кроссовки супер!

Ирина бросила взгляд в коридор, посреди которого валялись суперкроссовки. Егор, слава богу, не испытывал особого пиетета перед «фирмой» и за лето довел модную обувь до полной агонии.

– Егор, кроссовки – это обувь для спортивных занятий, – веско произнесла Гортензия Андреевна. Очевидно, родительский авторитет Ирины не был для нее столь же незыблем, как авторитет мамы, – а на уроки следует ходить в туфлях или полуботинках.

Володя вдруг захохотал в своем детском стульчике.

– Вот твои кроссовки после лета считай что как раз полуботинки, – засмеялся Кирилл, – а еще у тебя полуноски и полумайки.

– И полуформа, – поддакнула Ирина, вспомнив, что брюки уже к концу учебного года приобрели дерзкий фасон «от долгов бегать», а за лето Егор вырос сантиметров на пять.

– И полубокс, – добавила мама, – надо подстричься перед первым сентября. Кирилл – мужчина, конечно, ответственный, но, похоже, ты права, Ира. Лучше тебе самой поехать и все проверить. А мы тут с Гортензией Андреевной справимся, все же у Женечки уже есть два прикорма.

Ирина чуть не поперхнулась чаем от этого неожиданного заявления.

– Утром покормишь ребенка, и поезжайте, – продолжала мама, – а мы тут на кашках и творожке до вечера как-нибудь продержимся.

– Спасибо, мама! – пробормотала Ирина, не вполне веря, что мама предлагает это искренне, а не просто хочет покрасоваться перед Гортензией Андреевной и Кириллом в роли заботливой бабушки.

Не так просто, знаете ли, искоренить условный рефлекс. До глубокой ночи Ирина ждала маминого «я надеюсь, ты сама поймешь, что нельзя бросать грудного ребенка!», хлопанья дверью и объявления дочери бойкота, как всегда бывало в детстве, когда Ирина принимала мамино разрешение что-то сделать за чистую монету, – но в этот раз обошлось. Мама даже проснулась раньше всех и приготовила омлет, пока Ирина кормила Женечку, и расцеловала их с Егором на прощание.

В электричке Егор спал, прильнув к ее плечу, а Ирина с грустью думала, что, чем лелеять детские обидки, лучше подумать о собственных материнских промахах. Она была неважной матерью старшему сыну. Горькая правда, но надо ее признать. После развода она так сосредоточилась на собственных страданиях, что совсем не думала о том, что сыну тоже плохо. Да, он был тогда маленький, мало что понимал, но от этого, наверное, ему было только хуже, когда

большое и родное существо, обнимавшее его и катавшее на плечах, вдруг исчезло неизвестно куда. Неизвестно куда исчезла и веселая ласковая мама, а ее место заняло вялое, глухое от боли создание, через силу выполнявшее свои родительские обязанности. Егор чувствовал перемены в матери, не мог не чувствовать, был растерян, ему было грустно, но Ирина не хотела этого знать.

Она старалась создать сыну веселую и радостную жизнь, но вся ее забота была отравлена мыслью: «Мы должны были делать это вдвоем, а не вдвоем!» Ирина водила Егора в театры, музеи, парки аттракционов и хотела радоваться вместе с ним, но рядом гуляли счастливые полные семьи, и душу затапливала едкая тоска оттого, что она с ребенком одна и дома ее никто не ждет. Причем, странное дело, в этой неутолимой, почти несносной боли не было ни капли тоски по ушедшему мужу. Ни на секунду не посетило ее сожаление, что вот, покинул меня человек, с которым мне было хорошо. Не было ей хорошо, но статус замужней женщины стоил того, чтобы плясать вокруг никчемного нытика. А после развода страдать, будто с нее кожу содрали.

Егор глубоко вздохнул во сне, Ирина чуть подвинулась, чтобы ему было поудобнее, и стала вспоминать дальше, стараясь не жалеть себя.

Она не любила первого мужа, даже влюблена в него не была никогда. Просто он предложил жениться, а время поджимало. Ну как время... Мама, другие женские родственники, замужние подружки в унисон исполняли хорал про принца, про довыбираешься, пробросаться, засидишься и останешься. Ну и небольшая сольная партия от мамы «не Софи Лорен». Что ж, подумала тогда Ирина, главное ведь печать в паспорте и кольцо на пальце, а человек – это уже вопрос десятый. Каким мужа воспитаешь, таким и будет. Всем, в конце концов, ясно, что мужик – это примитивное создание, глина в умелых руках умной женщины. Черт его знает, если бы она тогда умела видеть в человеке человека, может, муж от нее и не ушел бы... Только где ей было этому научиться...

Ирина решительно тряхнула головой, отгоняя коварно подкрадывающуюся змею жалости к себе. Сейчас не об этом.

Своего женатого любовника она тоже не любила. Он, в общем-то, даже не очень ей и нравился, но ради вожделенного замужнего статуса она упорно выкорчевывала его из семьи, как старый пень, тратя все силы на эти земляные работы. На ребенка почти ничего не оставалось, жизнь была подчинена одной цели – выйти замуж во что бы то ни стало, нарастить новую кожу, чтобы не так больно было жить.

Кирилл до сих пор считает, что она его спасла, а на самом деле все наоборот, это он вытащил ее из такого болота, что вспоминать страшно.

Как бы то ни было, а Егор рос рядом с убитой горем матерью. Будем честны, с потихоньку спивающейся матерью. Понимать этого он еще не понимал, но чувствовал.

Потом в их жизни появился Кирилл, добрый, деликатный, Ирина радовалась, что ребенок обзавелся хорошим другом и заботливым отчимом, и не понимала, что чужой человек в доме, даже самый распрекрасный – это стресс. Она почему-то была уверена, что раз сама на седьмом небе от счастья, то и сын тоже счастлив.

Егор все переносил спокойно и с достоинством, но бог знает, что у него на душе. Он до самозабвения любит читать, чем восхищает всех родных и знакомых, только вот от хорошей ли жизни эта страсть? Не бегство ли от тяжелой повседневности? Может, будь он хоть чуточку счастливее, так больше времени бы посвящал нормальному мальчишескому хулиганству?

Да, конечно, не он первый и не он, увы, последний рос у измотанной разведенной матери. Только вот у Егора теперь два братика, и детство у них совсем иное. В спокойствии, в любви, в радости, с веселой мамой и надежным отцом. Будет ли он сравнивать? Поймет ли, чего был лишен? И возможно ли как-то возместить ему сейчас грустное детство?

«По моему собственному опыту скорее нет, чем да, – пробормотала Ирина себе под нос, – сейчас все у нас с мамой отлично, но прошлое как осколок, застрявший в жизненно важной и хирургически недоступной зоне. Удалить невозможно, и вроде бы оброс рубцами, а все равно покалывает...»

Тут электричка, вздыхая тормозами, подошла к вокзальному перрону, и Ирина решила, что самобичевания на сегодня, пожалуй, достаточно.

Войдя в квартиру после долгого отсутствия, Ирина с порога бросилась прикладывать женскую руку, но тут же остановилась. Времени у нее мало, а Кириллу и так нормально. Смысл суетиться, если муж все равно ничего не заметит? Поэтому она, пока Егор стригся в парикмахерской, спокойно приняла душ, после трех месяцев мытья в бане наслаждаясь каждой его каплей, переделалась в нарядный городской костюм, выпила кофе и спустилась во двор, где ее уже поджидал свежестриженный сын.

Егор уже где-то выяснил, что большой школьный базар работает в фойе дворца культуры, и они отправились туда.

Ирина любила бывать в этом огромном здании, красивом, несмотря на полное отсутствие архитектурных излишеств. Ей нравились широкие лестницы, массивные двери, просторные аудитории и гигантский актовый зал с красными бархатными креслами. Находясь здесь, она невольно начинала проникаться симпатией к советской власти, отгрохавшей такой дворец для своих трудящихся. Правда, где еще есть такие прекрасные дворцы, куда любой человек может зайти совершенно свободно. Хочешь – иди в библиотеку, хочешь – на лекцию, хочешь – в кружок, а не хочешь – просто сиди в красивом интерьере. Никто тебя не выгонит. И детей приводит, им тоже найдут подходящее занятие. В этом году Володе, пожалуй, еще рано, а на следующий можно его уже куда-нибудь определить. Секции тут на любой вкус.

Правда, сегодня Гермес потеснил муз. Фойе было плотно заставлено прилавками, вдоль стен вытянулись длинные ряды вешалок со школьной формой, заслоняя работы юных художников, и даже внушительный гипсовый бюст Ленина как-то терялся на фоне разноцветных школьных ранцев. Прилавков с книгами располагался в самом дальнем углу и совершенно не бросался в глаза, но Егора туда немедленно примагнитило. Ирина подошла следом, прикидывая, хватит ли у нее денег на школьное снаряжение после того, как они с сыном скупили весь книжный ассортимент.

К счастью, первая половина произведений была дежурной советской макулатурой, а вторая уже имела в их домашней библиотеке.

Со смешанными чувствами облегчения и разочарования Ирина повернулась к отделу школьной формы, но тут Егор вдруг впился глазами в книгу, на обложке которой два плохо нарисованных космонавта кружили вокруг черной дыры.

– Мама, купим, пожалуйста?

Ирина с удивлением взглянула на сына, который давным-давно презирал литературу для школьного возраста и старался лишний раз не притрагиваться к ней, чтобы никто не подумал, будто он еще маленький.

– Это про Алису, – пояснил сын благоговейным шепотом.

«Про рок-группу, что ли?» – едва не спросила Ирина, но сообразила, что перестройка, хоть и идет полным ходом, настолько все-таки еще не раскошегарилась.

Судя по обложке, Льюис Кэрролл тут тоже ни при чем, как и вообще настоящая литература, каковую только и следует читать приличным мальчикам. Но раз сыну это важно, то надо купить без долгих разговоров. А то пока она будет выспрашивать, что да почему, хорошая ли это книга или низкопробное чтиво, народ подтянется и расхватает дефицит.

Ирина достала кошелек.

– С нагрузкой, – процедила продавщица, прикладывая к неведомой Алисе компактный томик цвета крови и с легким ароматом плесени.

С нагрузкой так с нагрузкой.

Получив вожделенную книгу, Егор прижал ее к груди, как обретенное дитя, и понесся к ближайшему подоконнику. Решив дать ему немного насладиться покупкой, Ирина от нечего делать тоже пролистала вторую, совершенно не нужную ей книгу шестьдесят девятого года издания. «Наш Мироныч», воспоминания старых большевиков о Кирове. От времени страницы слежались и не хотели раскрываться, а там, где удавалось их разлепить, глаз выхватывал однотипное бу-бу-бу про верность коммунистическим идеалам и заботу о простых людях. В конце шестидесятых старые большевики были еще не такими уж старыми, могли бы вспомнить что-нибудь интересненькое, а не отделяться общими словами.

Ирина огляделась в поисках мусорного ведра. К старым большевикам у нее были свои счета.

В прошлом году Егора приняли в пионеры. Он очень старался попасть в первую волну, к годовщине революции, учил наизусть торжественное обещание, завел специальную тетрадку про пионерскую организацию, в общем, подошел серьезно. Усилия его были вознаграждены, и в положенный срок ему повязали галстук в торжественной обстановке на крейсере «Аврора». Ирине показалось, что после этой линейки Егор как-то возмужал, почувствовал себя взрослее, и она впервые задумалась о том, что ритуалы важны, особенно для мальчиков и мужчин. Даже неважно, чему они посвящаются, важен сам факт перехода. Женщинам проще, их переходы от детства к юности, от юности к молодости и так далее точно обусловлены физиологией, а мужчинам на что ориентироваться? Когда ты повзрослел? Когда стал мужчиной? Когда из беззаботного парня превратился в степенного отца семейства? Наверное, нужны ритуалы, чтобы отмечать эти вехи, и относиться к ним стоит серьезно. Ирина так и старалась делать и своими мыслями о коммунизме и пионерской организации как о питомнике юных бюрократов с сыном не делилась, но и в подробности его пионерской работы не вникала, знала только, что сына выбрали звеньевым и он очень ответственно подходит к новым обязанностям. Однажды Егор пришел из школы страшно гордый и сообщил, что в их районе в день рождения Ленина будет проводиться слет старых большевиков (если, конечно, слово слет применимо к людям, младший из которых давно отпраздновал восьмидесятилетие), и Егора выбрали для торжественной пионерской линейки. Ребята постарше выносили знамя, Леночка Баранова с голосом, как иерихонская труба, декламировала стихи, а Егору досталось место в отряде юных барабанщиков.

Целый месяц Егор тренировался в искусстве барабанного боя вместе с другими ребятами из района. Ирине совсем не нравилось, что к гигантской нагрузке сына (обычная школа, музыкалка и шахматы, да еще надо спортом позаниматься) прибавились еще эти дурацкие занятия, она даже ходила к завучу по внеклассной работе Нинель Владимировне, отвечавшей за мероприятие в целом, осторожно выясняла, нельзя ли сына как-нибудь избавить от великой миссии, и завуч сказала, что в принципе-то можно, но Егор сам хочет приветствовать старых большевиков, посмотреть на людей, которые видели Ленина своими собственными глазами, и вообще, когда дети почти на равных со взрослыми участвуют в серьезных делах, им это идет только на пользу.

На это возразить было нечего, Ирина сдалась. Впрочем, нет худа без добра. Занятия для барабанщиков и горнистов вел очень колоритный дядечка Семен Давыдович. Прямо со школьной скамьи он попал на фронт, прошел всю войну, а когда демобилизовался и думал, чем заняться в мирной жизни, случайно выяснилось, что у него абсолютный слух. К сожалению, он был уже слишком взрослый, чтобы начинать карьеру пианиста или скрипача, поэтому стал флейтистом, много лет прослужил в оркестре Кировского театра, а выйдя на пенсию, с энтузиазмом стал обучать пионеров игре на их пионерских инструментах. С барабанами выходило

отлично, а вот с горнами оказалось сложнее. Даже искусный флейтист был не в силах извлечь из них хоть сколько-нибудь мелодичный звук. Наверное, изготовители считали, что если горны будут красиво стоять в пионерских комнатах, то большего от их продукции и требовать нельзя.

Семен Давыдович добросовестно научил детей исполнять три пионерских марша слаженно и в унисон, а кроме того, рассказывал им о работе в оркестре, приоткрывал перед ними дверь в тот особый мир, в котором живет человек, посвятивший себя музыке. И вот странное дело, Егор уже почти решил бросить ненавистную музыкалку, потому что, видите ли, абсолютно все нормальные люди, закончив музыкальную школу, немедленно захлопнули крышку пианино и после ни разу в жизни к нему не подошли. Так зачем тратить время на никому не нужную чушь? Ирина умоляла его заниматься, Кирилл с пеной у рта убеждал, что игра на фортепиано нисколько не разрушает образ настоящего мужчины, Гортензия Андреевна вторила, что настоящие мужчины не сдаются, и обещала даже помогать с уроками, если у Егора не будет хватать времени из-за повышенной нагрузки... Все было тщетно. Но стоило только Семену Давыдовичу мимоходом пожалеть, что если бы он мог учиться музыке с детства, то сейчас был бы пианистом с мировым именем, как Егор тут же согласился отбыть свой музыкальный срок до конца. «Совершенно естественное дело, Ирочка, – заметила Гортензия Андреевна, – информация из уст незаинтересованного лица, да еще и подкрепленная личным примером, доходит до детского ума гораздо лучше, чем родительские и учительские нотации».

В общем, Егор бегал на дурацкие занятия как на праздник, а к линейкам относился с полной серьезностью и воодушевлением. Ирина не смеялась над его усердием, еще помнила свой душевный подъем в пионерском строю. Теперь трудно было описать словами это чувство принадлежности к чему-то очень важному и хорошему, необходимому для всех людей. В такие моменты она сама словно становилась лучше и сильнее. Так продолжалось класса до шестого, а потом Ирина повзрослела, увидела, что никто ни во что не верит, и не то чтобы сама разуверилась, а просто не хотелось на общем фоне выглядеть восторженной душой. Но цинизм, черт возьми, плохая замена детской искренней вере, и Ирине хотелось, чтобы сын сохранял ее как можно дольше.

Егор старался изо всех сил, как, впрочем, и другие ребята, пионерское приветствие получилось очень бодрым, радостным, отчасти даже трогательным. Но на генеральную репетицию пришел инструктор из райкома и вполне разумно заметил, что, если дети выйдут бодрым строем и грянут в свои барабаны прямо перед носом старых большевиков, последствия могут быть самые непредсказуемые. Вплоть до инфаркта. Так что для «символа поколений, боевой связи времен» достаточно будет одной Леночки Барановой, и то в половину проектной мощности.

Нинель Владимировна пыталась отстоять ребят, предлагала инструктору, пусть тогда просто выйдут строем и отсалютуют, но тот сказал, что мероприятие и так серьезное, за большевиками нужен глаз да глаз, и если еще дети будут путаться под ногами, то вообще кошмар. «По телику посмотрят!» – отрезал он.

Дети расстроились, а родители с Нинелью Владимировной были прямо-таки возмущены. Это для циничных взрослых старые большевики – команда маразматиков, а для пионеров – эстафета поколений, живая история, прикоснуться к которой – большая честь и воспоминание на всю жизнь. Детям в самом деле хотелось посмотреть на людей, делавших революцию своими собственными руками и видевших Ленина своими собственными глазами, а им сказали: «Обойдетесь!» А сколько времени убито зря на дурацкие барабаны! Сразу, что ли, не могли в райкоме сообразить, что дедов надо беречь от сильных потрясений?

Зато познакомились с хорошим человеком, так что нет худа без добра...

Урны поблизости не наблюдалось, и Ирина сунула ненужную книгу в сумочку. Сын уже устроился со своей Алисой на низком мраморном подоконнике, и было совершенно ясно, что

он совсем забыл, зачем сюда пришел. Она тихонько подошла и посоветовала отложить чтение до дома.

– А то сейчас проглотишь и не поймешь, о чем это вообще было. – Она хотела потрепать сына по макушке, но в последний момент убрала руку. Наверное, Егор себя считает уже слишком взрослым для такой ласки.

Он посмотрел на нее глазами, в которых отражались звезды и космические корабли.

Не хотелось возвращать его к прозе жизни, но, с другой стороны, раз книга такая интересная, лучше растянуть удовольствие, а не заглотить одним махом, будто книжный удав.

Обещав сыну по возвращении на дачу пожарить орешки для полного читательского экстаза, Ирина повела его к прилавку со школьной формой и вдруг наткнулась на Нинель Владимировну.

«Дурака вспомнишь, он и появится», – подумалось ей совершенно некстати, ибо Нинель Владимировна была вовсе не дурой, а, наоборот, очень приятной и интеллигентной женщиной. Явно не первой молодости, но возраст ее было очень трудно определить, потому что учительница обладала той редкой классической красотой, которая с потерей очарования юности не исчезает, а становится только чуть суше и чуть резче. Лицо, как у античной статуи, идеальная фигура, густые черные волосы с двумя-тремя нитками седины, подтверждавшими, что это естественный цвет, всем наделила ее природа. Нинель Владимировна была так хороша, что даже завидовать ей не хотелось.

Прикинув, что последние денечки отпуска педагогу хочется спокойно провести без детей и их родителей, Ирина хотела быстренько затеряться в толпе, но Нинель Владимировна вдруг сама бросилась к ней как к лучшей подруге.

Тут Ирина все-таки почувствовала легкий укол зависти. На завуче было простое ситцевое платье и туфли печально известной фабрики «Скороход», но в этом жутком ширпотребе выглядела Нинель Владимировна как модель с обложки журнала мод.

– Так хорошо, что я вас встретила, Ирина Андреевна! – воскликнула она. – Пришла Димочке канцелярию купить, а тут вы! Такой приятный сюрприз.

Ирина сказала, что тоже очень рада видеть Нинель Владимировну, одновременно пытаясь сообразить, кто это Димочка, сын или внук. «Скорее второе, хотя, дорогая Ира, когда Женя пойдет в первый класс, тебе будет уже за сорок. Тоже все будут гадать и решать, что бабка», – улыбнулась она.

– Мне как раз нужно поговорить с вами. – Сказав это, Нинель Владимировна сразу повернулась к Егору. – Не волнуйся, Егорушка, не про тебя.

Ирина промолчала. Не хотелось думать, что у этой приятной женщины проблемы с законом, и еще меньше хотелось их решать. Но ради хорошего аттестата сына, видимо, придется попросить Фемиду чуть-чуть приоткрыть один глазик.

Тем временем Нинель Владимировна притормозила возле прилавка, где продавались толстые тетрадки в красивых ультрамариновых и изумрудных обложках, а не поносного цвета, как везде.

– Какие миленькие, надо брать! Цвет, знаете ли, Ирина Андреевна, влияет на работоспособность и усвояемость материала, и гораздо больше, чем принято считать.

Ирина взяла несколько тетрадок, а Нинель Владимировна целую стопку.

– Надо, чтобы был запас, – пояснила она, – все же у мальчика первый курс ординатуры, тетрадь для конспектов всегда должна быть под рукой. И ручек еще возьму штук пять, а лучше сразу десять. Сами знаете, Ирина Андреевна, для врача это главный инструмент. Ох, смотрите, карандаши, настоящий кохинор! Возьмите, не пожалеете... Нет, это 2Т, вам такой не нужен, ведь Егор у вас профессионально не рисует, насколько я помню, он больше по музыкальной части. Вам лучше всего ТМ, ну еще по штучке Т и М на всякий случай.

– Да, Егор у меня к изобразительному искусству равнодушен, зато Володя увлекается, – сказала Ирина, послушно набирая карандаши, – правда, пока любимый жанр – настенные панно.

– Что ж, хорошие монументалисты всегда на вес золота, – засмеялась Нинель Владимировна, – приведете в школу, направим юное дарование в конструктивное русло.

– Нам еще не скоро.

– Ирина Андреевна, время летит так быстро... Вот я, кажется, только вчера отвела Димочку в первый класс, а сегодня он уже доктор, даст бог, без пяти минут кандидат наук.

– Да, не успеешь оглянуться...

Они синхронно вздохнули и, расплатившись, направились к рядам со школьной формой. С полным равнодушием взяв из рук матери костюмчик, Егор побрел в примерочную.

Глядя ему вслед, Ирина подумала, что с дочкой они бы выбирали самый красивый пенал, и ручки, и тетрадки, и обложки для учебников, и ранец, и формы бы перемерили все фасоны, и ноги бы сносили в поисках передника с крылышками, и ленточек бы набрали огромное количество и капроновых, и атласных, и широких, и узких, и всех цветов радуги, а потом бы еще взяли готовый белый бант с полторы детских головы, похожий одновременно и на пропеллер, и на розу, и на торт. Ну и белые колготки обязательно, не трикотажные с пузырями на коленках, а настоящие капроновые в цветочек. Общая миссия, общая радость, а с сыновьями что... Для Егора точно самые лучшие сборы в школу – это если бы он читал книжку, а мама сама бы все купила, раз уж ей так хочется. И с прекрасным Димочкой она хоть и незнакома, но готова спорить, что он тоже не оценит красоту новых тетрадок и не заметит, что благодаря им стал лучше соображать. Есть в чем конспектировать – и ладно, и спасибо, мама!

– Ирина Андреевна, я вот что хотела у вас спросить, – перебила завуч ее размышления. – Насколько я знаю, у вас дача в Сосновке?

Ирина нехотя кивнула. С недавних пор она начала стесняться своего благополучия. Странно, раньше, до появления Кирилла, демонстрация этого самого благополучия составляла едва ли не цель жизни. Муж нужен был не как человек, а как непременный атрибут счастливой жизни, вроде «Жигулей»... Нет, на «Жигулях» иногда хоть ездить можно, скорее вроде ковра на стене. Пыльный, душный и даже не особо тебе нравится, но заходят люди в дом и сразу видят, что ты живешь в достатке. Так и наличие обручального кольца возвещало всему миру, что тебя выбрали, ты в порядке, примерная мать семейства, а не какая-то там чумичка, на которую никто не позарился или, того хуже, бросили. И ради того, чтобы чужие люди так о ней не думали, Ирина была готова творить любую дичь, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в ее жизни не появился Кирилл.

Мечта сбылась, она вышла замуж, причем на удивление удачно для разведенки с прицепом, появился красивый фасад, но Ирине вдруг резко расхотелось всем его показывать. Стыдно, что ли, стало наслаждаться своим счастьем... Тоже интересный выверт психики: пока она была в разводе, ее окружали только удачливые в семейной жизни дамы. Казалось, во всем Ленинграде только одна Ирина потерпела поражение на личном фронте, а у остальных женщин от восемнадцати до ста все хорошо и даже отлично, и это казалось ей чудовищно несправедливым. Только выйдя за Кирилла, она обнаружила, что ее случай был вовсе не уникален, в мире очень много одиноких и разведенных женщин, и далеко не все впадают по этому поводу в отчаяние. Живут сами, и даже счастливо живут, растят детей, делают карьеру, в общем, крепко стоят на ногах. Глядя на них, Ирина вспоминала пословицу, что бог посылает нам только те испытания, которые мы в состоянии вынести. Видимо, она сама оказалась не в состоянии вынести испытание одиночеством, поэтому бог послал ей Кирилла, и от этого становилось немного грустно. Не справилась, не выдержала экзамен, значит, и счастья своего нынешнего не заслужила, значит, нечего и хвастаться.

– Досталась в наследство, – зачем-то уточнила Ирина, но Нинель Владимировна даже не дослушала.

– Скажите, Ирина Андреевна, вы, случайно, не знакомы с такими Мельниковыми? – нетерпеливо спросила она.

Пока Ирина медлила с ответом, Нинель Владимировна наклонилась к самому ее уху и зловещим шепотом уточнила:

– Он кагэбэшник!

Тут из примерочной показался Егор, больше похожий на дерзкого тореадора, чем на приличного школьника.

– Нет, надо на рост больше, а то и на два, – засмеялась Нинель Владимировна.

Ирина сняла с кронштейна два новых комплекта, и сын с обреченным видом удалился обратно в примерочную.

– Так что, знакомы? – повторила Нинель Владимировна.

Ирина пожала плечами:

– Как вам сказать...

Она действительно не знала, что ответить учительнице. Мельниковы поселились в дачном поселке прошлым летом, купив дом у наследников видного ученого, у которого учился еще отец Кирилла. Ученый умер, дети, по агентурным данным местных дам, собрались в Израиль, а дом продали, вы подумайте, кагэбэшнику! Нашли кому! Такую свинью, в самом деле, подложили всему дачному сообществу!

Ирина не особенно вникала в эти разговоры, ибо до сих пор чувствовала себя пришлой, чужой в этом тесном и сплоченном коллективе. Нет, всегда находилось с кем поболтать в очереди за молоком и в электричке, всегда кто-то заглядывал за мелким одолжением или рецептом знаменитого клубничного варенья Гортензии Андреевны, и Ирина знала, что, если сама захочет к кому-нибудь пойти в гости, ее примут приветливо. Все было мирно и хорошо в ее дачной жизни, но, когда речь заходила о том, кто с кем спал тридцать лет назад, ей было нечего сказать. Кто как строился, кто получил дачу за настоящее научное открытие, а кто с помощью интриг – всех этих нюансов она не знала, не росла вместе с поселком, а пришла на готовенькое. Поэтому не разделяла общего негодования по поводу кагэбэшника, а просто думала, что странный выбор поселиться среди научной и творческой интеллигенции, когда у вас есть свои дачные поселки.

Местный бомонд предрекал, что с появлением кагэбэшника дачный воздух наполнится ароматами шашлыков и чарующими звуками блатных песен, но ничего подобного не произошло. На участке стояла тишина, и только дымок из печной трубы в холодные дни возвещал, что в доме кто-то живет, а точнее, иногда приезжает по выходным.

Впрочем, Ирина не следила за этой увлекательной интригой. У нее было двое детей, и третьего она носила под сердцем, все еще сомневаясь, правильно ли поступила, решившись родить. Кирилл только вернулся с ликвидации чернойбыльской аварии, короче говоря, было о чем волноваться, кроме противных новых соседей.

Ближе к концу июня вдруг налетел сильный ветер, почти ураган. Такой, что Ирина сидела, прижав к себе Володю, Гортензия Андреевна, не теряя самообладания, проверяла, закрыты ли окна, а Егор с горящими от восторга глазами смотрел, как разлетаются по всему участку свежестиранные детские колготки, а деревья пригибаются к земле, и утверждал, что именно такой ураган унес Элли в волшебную страну.

Потом началась страшнейшая гроза, и оставалось только надеяться, что сегодня никто из них в волшебную страну не перенесется.

Стихия бушевала почти всю ночь, а утром земля лежала в покое и дышала туманом.

Ирина вышла в мокрое утро как в облако, и сама вдруг ощутила умиротворение. Не стало сомнений и тревог о будущем, потому что какой смысл беспокоиться о том, что тебе

неподвластно. Только достичь нирваны ей не удалось: из тумана показалась соседка, всеобщая бабушка. Эта не старая еще женщина обладала каким-то рекордным количеством внуков. От своих детей, от первых браков жен сыновей и мужей дочерей, от друзей и даже, наверное, от совершенно посторонних людей. Она всех принимала, так что Ирина давно бросила считать детское поголовье в ее доме. Егор с Володей с удовольствием играли с ее внуками, и вообще отношения были самые хорошие. В этот раз бабушка пришла с реальной бедой. Ночью молния ударила в огромный старый клен, росший у нее на участке. Это была настоящая достопримечательность поселка, его мощная крона виднелась еще из электрички, но теперь дерево было расколото надвое. Меньшая часть упала, слава богу, в противоположную сторону от дома, и никто не пострадал, а оставшаяся пребывала в нестабильном положении, угрожающе раскачивалась и скрипела, и при первом же взгляде становилось ясно, что она рухнет от малейшего ветерка.

Естественно, оставаться на аварийном участке было нельзя. Всех внуков эвакуировали в дом к Ирине и поскорее разложили железную дорогу, чтобы у детей даже соблазна не возникло оттуда улизнуть.

Гортензия Андреевна со всеобщей бабушкой остались пасти молодое поколение, а Ирина отправилась за помощью, толком не понимая, куда идти и к кому обратиться. К сожалению, был будний день, и в поселке из взрослых оставались в основном бабушки и молодые мамы.

Дойдя до магазина и зачем-то подергав запертую дверь, она вспомнила наконец, что в писательском квартале идет стройка. Ирина быстро зашагала туда, решив, что настоящие мужики, к коим строители, без сомнения, относятся, не оставят в беде женщин и детей.

Однако вместо настоящего мужика к ней вышла владелица участка и, скорбно сложив губки бантиком, заявила, что об этом не может быть и речи. Скорбь ее относилась к тому, что Ирина не понимает элементарных вещей.

– Нельзя создавать прецедент, – пояснила дамочка, – сейчас я их отпущу к вам, а завтра они начнут подхалтуривать по всему поселку и у меня тут стройка встанет. Нет уж, если наняла их я, то работают они на меня и ни на кого больше, и они твердо должны это знать.

– Но случай-то особый... Форс-мажорные обстоятельства... – промямлила Ирина.

– А то вы не знаете наших работяг! Им покажешь бутылку, вот тебе сразу и форс-мажорные обстоятельства! – засмеялась хозяйка. – Нет, вы меня простите, конечно, но я не могу так рисковать. Уверена, вы найдете какой-нибудь другой способ...

– Какой?

Дамочка молча захлопнула калитку перед носом Ирины, оставив ту в полной растерянности.

Куда идти дальше? Нет, поселить соседей у себя в доме – не проблема, места хватит всем. Для детей это будет интересное приключение, да и в их с Гортензией Андреевной размеренную дачную жизнь внесет приятное разнообразие.

Пусть живут, сколько потребуется, но всеобщая бабушка, наверное, в идеале хотела бы сохранить не только вверенные ей детские жизни, но и дачу. А для этого надо торопиться. Если дерево упадет на дом, то он разрушится, вариантов нет.

В милицию, что ли, обратиться? Но это надо на станцию, а ей тяжело будет дойти, и на велике беременным женщинам рассекать, наверное, не рекомендуется. Послать Егора со старшими внуками? Кто их там будет слушать... Да и ее саму тоже не факт. Скажут, преступления нет, не наше дело. Ах, гражданочка, вы судья? Поздравляем, но все равно не наше дело.

В таких мрачных размышлениях Ирина бесцельно брела по дорожке, пока не заметила идущего навстречу мужичка средних лет с бодрым и свежим лицом человека, не ведающего внутренних сомнений. Облаченный в синий спортивный костюм, мужичок следовал пружинистым шагом и радостно помахивал авоськой с пустой трехлитровой банкой. Не надо было быть

Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что человек направляется за пивом, собираясь приятно провести досуг.

– Если вы в магазин, то он закрыт, – сказала Ирина, – а бочка приезжает только по субботам.

– Спасибо, – улыбнулся мужичок, встопорщив аккуратные усы пшеничного цвета, – видно, не судьба.

Тогда Ирина еще не знала, что это и есть кагэбэшник, поэтому улыбка показалась ей приятной и сам незнакомец понравился, несмотря на усы.

«Да и что я теряю?» – решила она и рассказала мужичку о своей проблеме.

– Пойдемте посмотрим, – просто сказал он.

Осмотрев участок, мужичок, представившийся Мельниковым, съездил на станцию и, к восторгу детей, вернулся в сопровождении пожарной машины. Спилить дерево оказалось непросто, пришлось использовать пожарный кран, и, наблюдая за слаженной работой мужиков, Ирина невольно подумала, что, наверное, к лучшему, что хозяйка не отпустила своих работников, иначе кто-то из них покалечился бы или даже погиб.

Пожарные не только свалили клен, но еще и распилили его и забрали самые крупные куски ствола, оставили только ветки, которые детям под силу отнести к мусорным бакам. От денег категорически отказались, но бутылку водки и несколько банок варенья приняли с радостью.

Мельников же тем временем исчез с горизонта, как настоящий боец невидимого фронта, и после на приветствия дам отвечал вежливо, но так прохладно, что становилось неловко лезть к нему со своей горячей благодарностью.

Узнав, что он и есть тот самый кагэбэшник, Ирина честно пыталась найти какие-то тайные зловещие мотивы в его благородном поступке, но не сумела.

Он не только не хотел втереться в доверие, но и вообще не стремился сходить с соседями. Семья жила очень замкнуто и вообще бывала на даче редко.

С того случая Ирина с Мельниковыми ни разу не общалась, при встрече на дачных дорожках они обменивались вежливыми кивками, но совсем не было уверенности, что они узнают друг друга, столкнувшись в городе.

– Вот и все, что могу сказать, – заключила Ирина.

Нинель Владимировна поморщилась. Ясно было, что подвиг Мельникова пришелся ей не по вкусу. Ломал стереотип.

– А про семью его что-то можете сказать? С женой знакомы?

Ирина пожала плечами:

– Так, виделись пару раз, но, что называется, не представлены. На вид скромная женщина, такая, знаете, ни то ни се.

– Вульгарная? – в голосе Нинель Владимировны послышались нотки надежды.

– Если вы имеете в виду перекись и голубые тени, то нет, – улыбнулась Ирина, – а там как знать? Я с ней ни разу не разговаривала.

– А дочка?

– У них есть дочка? Никогда не видела.

– Вот как, – процедила учительница, – что ж, Ирина Андреевна, спасибо вам за информацию.

Ирина заверила, что совершенно не за что, и разговор переключился на решение насущной проблемы, какую форму брать, поменьше, которая только-только, но зато сидит хорошо, или следующую ростовку, где есть запас, но висит мешком.

– Берите на вырост, не сомневайтесь, – сказала Нинель Владимировна, – к весне он вымахает у вас, ничего не поделаешь, такой возраст. Зачем лишние деньги тратить?

– Да, – встрял Егор, – зачем?

Его бы воля, взял бы сразу самую большую, чтобы до конца школы хватило, лишь бы лишний раз в магазин не ходить.

Подмигнув сыну, Ирина понесла на кассу оба комплекта, стараясь, чтобы Нинель Владимировна не заметила ее расточительства. Она и так, похоже, заработала мысленный кол по поведению за дифирамбы кагэбэшному семейству, а если еще начнет сорить деньгами, так вообще...

Июнь

Бывают дни-обманщики, которые ясной погодой и дыханием морского ветра обещают чудо и счастье, а потом ничего не происходит. Бывают, правда, и другие, когда низкое осеннее небо и едва слышные сквозь городской шум протяжные крики улетающих птиц наводят тоскливое предчувствие беды, и тоже ничего не случается. А сегодня привычное ленинградское серенькое небо с бледной кляксой солнца сулило только такой же серенький привычный денек.

Выйдя из дома, Зоя задумалась, куда пойти. Хотелось в клинику на дежурство, в воскресенье там всегда рады лишним рукам, но, чтобы стать, кем хочется, надо делать то, что не хочется. Вспомнив этот афоризм профессора Бахтиярова, она вздохнула. Еще он говорит, что даже в самом любимом деле находится несколько нелюбимых обязанностей, которые необходимо выполнять.

Другими словами, любишь кататься, люби и саночки возить. Зоя снова тяжело вздохнула. В ее случае саночками была научная работа. Лучше сутки у операционного стола, чем час за книгами и журналами, но без этого часа в операционную не попадешь. Будешь до пенсии панариции вскрывать в районной поликлинике.

Бахтияров говорил, что она способная девочка и рано или поздно почувствует вкус к научной работе. Зоя пока не дождалась этого светлого момента и насчет способной девочки не сильно обольщалась. У ее папы другой девочки родиться просто не могло.

Она понимала, что Бахтияров прав, и честно собиралась взяться за ум, но всякий раз находился железный довод вместо библиотеки отправиться в клинику. То дежурит доктор, который дает студентам оперировать, то в бригаде рук не хватает, то очередной праздник, а значит, большое поступление пациентов.

Предлог бы и сегодня нашелся, но Зоя почему-то не стала его искать.

Позже она не могла вспомнить, что заставило ее именно в это воскресенье повернуть на стезю науки и отправиться в настоящую цитадель знаний, библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, величественное здание на Невском. Срок сдачи реферата еще не сильно поджимал, а просто ей захотелось испытать себя в роли настоящего ученого. Или она вспомнила, что читательский билет в эту библиотеку ей сделали по страшному блату, и не пользоваться им глупо.

Так или иначе, а Зоя отправилась в метро. Ей нравилось смотреть на свое слегка размытое отражение в окне вагона. Так можно было представить, что глаза побольше, носик поаккуратнее и волосы лежат не жесткой щеткой, а изящными золотистыми локонами.

Увы, она не была красавицей, причем не в том смысле, как Скарлетт о'Хара.

Невзрачная, угловатая, маленького росточка, Зоя с детства знала про свою внешность. Никто не восхищался ею и даже превращения из гадкого утенка не обещал. Она и не ждала, принимала себя как есть. «Не родись красивой, красота увянет, а родись счастливой, счастье не обманет», – говорила бабушка, и Зоя верила в свое счастье.

Как в былые времена дворяне при рождении записывали детей в гвардию, так Зое было приготовлено местечко на филфаке, она честно учила английский, приобщалась к мировой литературе. Во всех романах герои добивались любви красавиц, а дурнушкам отводилась весьма скромная роль. В идеале они должны были посвящать себя бескорыстному служению красивым людям, в крайнем случае выходить за таких же второстепенных персонажей, как сами, а если имели наглость притязать на личное счастье, то авторы наделяли их всяческими пороками. Это было зло, несправедливо, но в общем похоже на правду. Зоя не пользовалась успехом у молодых людей. Не то что на свидание сходить, даже ни одного «медляка» не удалось ей станцевать на дискотеке.

Грустно это, конечно, было, но, с другой стороны, смотреть на мучения подружки Лизы, когда парень «не звонит», было еще грустнее. Так себя изводить, неужели оно того стоит?

Когда парень наконец «звонил» и Лиза возвращалась к жизни, она доставала свою косметичку размером с чемодан и наводила на Зою красоту.

Красота не наводилась. Когда Лиза отходила от Зои, как Рембрандт от готового полотна, и подавала зеркало, там отражалась та же простецкая физиономия, только в пятнах краски.

Чтобы не обижать подругу, Зоя закатывала глаза как бы в немом восторге и до вечера ходила накрашенной, что не производило на молодых людей ни малейшего впечатления.

Смывалась красота трудно, оставляя черные потеки, и терпеть муки макияжа ради мук неразделенной любви было, на взгляд Зои, совершенно лишено логики и смысла.

Она не верила в любовь без взаимности, в любовь с первого взгляда тоже не верила, да и вообще мама говорила, что нельзя понять, что это такое, пока не проживешь с человеком двадцать лет. Зоя была с ней, пожалуй, согласна. Сходить с ума по человеку, которого даже толком и не знаешь и с которым ничего не связывает, похоже на психическое расстройство, и то, что оно широко распространено, не возводит его в ранг нормы.

«Ты одна не останешься», – повторяла мама, и это была не просто поддержка некрасивой дочки. Зоя точно знала, что жених для нее найдется, слишком многие хотят породниться с их семьей. Папины молодые подчиненные не дураки, понимают, что родного зятя начальник будет двигать вперед охотнее, чем просто способного сотрудника, друзья семьи тоже не прочь подкрепить приятельские связи родственными с помощью детей. Словом, будет из кого выбрать. В десятом классе уже закидывал удочку папин друг и коллега, приводил своего сыночка, крепенького, как кукурузный початок, чтобы дети подружились и поженились, когда вырастут. И наверное, она бы пошла навстречу родительским планам, если бы сыночек показывал, что он здесь только по приказу папы, хоть чуточку менее активно. Всю оставшуюся жизнь созерцать на лице мужа обреченность пополам с отвращением Зое не хотелось. Она твердо верила, что найдется по ее душу хороший человек, который так же, как и она, будет ответственно относиться к семейной жизни.

Тогда она еще собиралась на филфак, воспитанная в парадигме, что женщина должна прежде всего быть хранительницей домашнего очага для своего мужа-героя, а сама получить хорошее образование и работать на какой-нибудь культурной и необременительной работе, только чтобы держать себя в тонусе. Так жила бабушка, так жила мама, так собиралась жить и сама Зоя, пока ее внезапно не пронзила мысль: а что, если силы, которые следует тратить на любовные страдания, приложить к тому, чтобы самой получить интересную и героическую профессию? Муж, в конце концов, может уйти, а профессия всегда при тебе останется. Сначала мысль эта показалась дерзкой и абсурдной, но покидать Зоину голову категорически отказывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.